

Бег

Восемь Снов Пьеса в Четырех Действиях

Михаил Булгаков

Бессмертье—тихий, светлый брег;
Наш путь—к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончил бег! ...

Действующие Лица

Серафима Владимировна Корзухина—молодая петербургская дама.

Сергей Павлович Голубков—Сын профессора-идеалиста из Петербурга.

Африкан—архиепископ симферопольский и карасубазарский, архипастырь именитого воинства, он же химик Махров.

Паисий—монах.

Дряхлый игумен.

Баев—командир полка в Конармии Буденного.

Буденовец.

Григорий Лукьянович Чарнота—запорожец по происхождению, кавалерист, генерал-майор в армии белых.

Барабанчикова—дама, существующая исключительно в воображении генерала Чарноты.

Люська—походная жена генерала Чарноты.

Крапилин—вестовой Чарноты, человек, погибший из-за своего красноречия.

Де Бризар—командир гусарского полка у белых.

Роман Валерьянович Клудов.

Голован—есаул, адъютант Хлудова.

Комендант станции.

Начальник станции.

Николаевна—жена начальника станции.

Олька—дочь начальника станции, 4-х лет.

Парамон Ильич Корзухин—муж Серафимы.

Тихий—начальник контрразведки.

Скунский, Гурин—служащие в контрразведке.

Белый главнокомандующий.

Личико в кассе.

Артур Артурович—тараканий царь.
Фигура в котелке и в интендантских погонах.
Турчанка, любящая мать.
Проститутка-красавица.
Грек-донжуан.
Антуан Грищенко—лакей Корзухина.

Монахи, белые штабные офицеры, конвойные казаки Белого главнокомандующего, контрразведчики, казаки в бурках, английские, французские и итальянские моряки, турецкие и итальянские полицейские, мальчишки турки и греки, армянские и греческие головы в окнах, толпа в Константинополе.

Сон первый происходит в Северной Таврии в октябре 1920 года. Сны второй и четвертый—в начале ноября 1920 года в Крыму.

Пятый и шестой—в Константинополе летом 1921 года.

Седьмой—в Париже осенью 1921 года.

Восьмой—осенью 1921 года в Константинополе.

Действие Первое

Сон Первый

... Мне снился монастырь ...

(Слышно, как хор монахов в подземелье поет глухо: "Святителю отче Николае, моли бога о нас ...")

(Тьма, а потом появляется скупо освещенная свечечками, прилепленными у икон, внутренность монастырской церкви. Неверное пламя выдирает из тьмы конторку, в коей продают свечи, широкую скамейку возле нее, окно, забранное решеткой, шоколадный лик святого, полинявшие крылья серафимов, золотые венцы. За окном везотрадный октябрьский вечер с дождем и снегом. На скамейке, укрытая с головой попоной, лежит Барабанчикова. Химик Махров, в бараньем тулупе, примостился у окна и все силится в нем что-то разглядеть ... В высоком игуменском кресле сидит Серафима, в черной шубе.)

(Судя по лицу, Серафиме нездоровится. У ног Серафимы на скамеечке, рядом с чемоданом, —Голубков, петербургского вида молодой человек в черном пальто и в перчатках.)

Голубков (прислушиваясь к пению). Вы слышите, Серафима Владимировна? Я понял, у них внизу подземелье ... В сущности, как странно все это! Вы знаете, временами мне начинает казаться, что я вижу сон, честное

слово! Вот уже месяц, как мы бежим с вами, Серафима Владимировна, по весям и городам, и чем дальше, тем непонятнее становится кругом ... Видите, вот уж и в церковь мы с вами попали! И знаете ли, когда сегодня случилась вся эта кутерьма, я заскучал по Петербургу, ей-богу! Вдруг так отчетливо вспомнилась мне зеленая лампа в кабинете ...

Серафима. Эти настроения опасны, Сергей Павлович. Берегитесь затосковать во время скитаний. Не лучше ли выло бы вам остаться?

Голубков. О нет, нет, это бесповоротно, и пусть будет что будет! И потом, ведь вы уже знаете, что скрашивает мой тяжелый путь ... С тех пор как мы случайно встретились в теплушке под тем фонарем, помните ... прошло ведь, в сущности, немного времени, а между тем мне кажется, что я знаю вас уже давно-давно! Мысль о вас облегчает этот полет в осенней мгле, и я буду горд и счастлив, когда донесу вас в Крым и сдам вашему мужу. И хотя мне будет скучно без вас, я буду радоваться вашей радостью.

(Серафима молча кладет руку на плечо Голубкову.)

(Погладив ее руку.) Позвольте, да у вас жар?

Серафима. Нет, пустяки.

Голубков. То есть как пустяки? Жар, ей-богу, жар!

Серафима. Взор, Сергей Павлович, пройдет ...

(Мягкий пушечный удар. Барабанчикова шевельнулась и простонала.)
Послушайте, madam, вам нельзя оставаться без помощи. Кто-нибудь из нас проберется в поселок, там, неверно, есть акушерка.

Голубков. Я сбегаю.

(Барабанчикова молча схватывает его за полу пальто.)

Серафима. Почему же вы не хотите, голубушка?

Барабанчикова (капризно). Не надо.

Махров (тихо, Голубкову). Загадочная и весьма загадочная особа!

Голубков (шепотом). Вы думаете, что ...

Махров. Я нечего не думаю, а так ... лихолетье, сударь, мало ли кого не встретишь на своем пути! Лежит какая-то странная в церкви ...

(Пение под землей смолкает.)

Паисий (появляется бесшумно, черен, испуган). Документики, документики приготовьте, господа честные! (Задувает все свечи, кроме одной.)

(Серафима, Голубков и Махров достают документы. Барабанчикова высовывает руку и выкладывает на попону паспорт.)

Баев (входит, в коротком полушубке, забрызган грязью, возбужден. За Баевым—Буденовец с фонарем). А чтоб их черт задавил, этих монахов! У, гнездо! Ты, святой папаша, где винтовая лестница на колокольню?

Паисий. Здесь, здесь, здесь ...

Баев (Буденовцу). Посмотри.

(Буденовец с фонарем исчезает в железной двери.)

(Паисию.) Был огонь на колокольне?

Паисий. Что вы, что вы! Какой огонь?

Баев. Огонь мерцал! Ну, ежели я что-нибудь на колокольне обнаружу, я вас всех до единого и с вашим седым шайтаном к стенке поставлю! Вы фонарями белым махали!

Паисий. Господи! Что вы?

Баев. А эти кто такие? Ты же говорил, что в монастыре ни одной души посторонней нету!

Паисий. Беженцы они, бе ...

Серафима. Товарищ, нас всех застиг обстрел в поселке, мы и бросились в монастырь. (Указывает на Барабанчикову.) Вот женщина, у нее роды начинаются.

Баев (подходит к Барабанчиковой, берет паспорт, читает). Барабанчикова, замужняя ...

Паисий (сатанея от ужаса, шепчет). Господи, господи, только это пронеси! (Готов убежать.) Святой славный великомученик Димитрий ...

Баев. Где муж?

(Барабанчикова простонала.)

Баев. Нашла время, место рожать! (Махрову.) Документ!

Махров. Вот документик! Я—химик из Мариуполя.

Баев. Много вас тут химиков во фронтовой полосе!

Махров. Я продукты ездил покупать, огурчики ...

Баев. Огурчики!

Буденовец (появляется внезапно). Товарищ Баев! На колокольне ничего не обнаружил, а вот что ... (Шепчет на ухо Баеву.)

Баев. Да что ты! Откуда?

Буденовец. Верно говорю. Главное, темно, товарищ командир.

Баев. Ну ладно, ладно, пошли. (Голубкову, который протягивает свой документ.) Некогда, некогда, после. (Паисию.) Монахи, стало быть, не вмешиваются в гражданскую войну?

Паисий. Нет, нет, нет ...

Баев. Только молитесь? А вот за кого вы молитесь, интересно было бы знать? За черного барона или за Советскую власть? Ну ладно, до скорого свидания, завтра разберемся! (Уходит вместе с Буденовцем.) (За окнами послышалась глухая команда, и все стихло, как бы ничего и не было.)

(Паисий жадно и часто крестится, зажигает свечи и исчезает.)

Махров. Расточились ... Недаром сказано: и даст им начертание на руках или на челах их ... Звезды-то пятниконачные, обратили внимание?

Голубков (щепотом, Церафиме). Я совершенно теряюсь, ведь эта местность в руках у белых, откуда же красные взялись? Внезапный бой? ... Отчего все это произошло?

Барабанчикова. Это оттого поризошло, что генерал Крапчиков задница, а не генерал! (Серафиме.) Пардон, мадам.

Голубков (машинально.) Ну?

Барабанчикова. Ну что—ну? Ему прислали депешу, что конница красная в тылу, а он, язви его душу, расшифровку отложил до утра и в винт сел играть.

Голубков. Ну?

Барабанчикова. Малы в червах объявил.

Махров (тихо). Ого-го, до чего интересная особа!

Голубков. Простите, вы, по-видимому, в курсе дела: у меня были сведения, что здесь, в Курчулане, должен был быть штаб герерала Чарноты ...

Барабанчиков. Вот какие у вас подробные сведения! Ну, был штаб, как не быть. Только он весь вышел.

Голубков. А куда же он удалился?

Барабанчикова. Совершенно определено—в болото.

Махров. А откуда вам все это известно, мадам?

Барабанчикова. Очень уж ты, архипастырь, любопытен!

Махров. Позвольте, почему вы именуете меня архипастырем?

Барабанчикова. Ну ладно, ладно, это скучный разговор, отойдите от меня.

(Паисиуи вбегает, опять тушит свечи все, кроме одной, смотрит в окно.)

Гокубков. Что еще?

Паисий. Ох, сударь, и сами не знаем, кого нам еще господь послал и будем ли мы живы к ночи! (Исчезает так, что кажется, будто он проваливается сквозь землю.)

(Паслышался многокопытный топот, в окне затанцевали отблески пламени.)

Серафима. Пожар?

Голубков. Нет, это факелы. Ничего не понимаю, Серафима Владимировна! Белые вой ска, клянусь, белые!

Свершилось! Серафима Владимировна, слава богу, мы опять в руках белых! Офицеры в погонах!

Барабанчикова (садится, кутаясь в попону). Ты, интеллигент проклятый! заткнись мгновенно! "Погоны", "погоны"! Здесь не Петербург, а Таврия, коварная страна! Если на тебя погоны нацепить, это еще не значит, что ты стал белый! А если отряд переодетый? Тогда что? (Вдруг мягко ударил колокол.)

Ну, зазвонили! Засыпались монахи-идиоты! (Голубкову.) Какие штаны на них?

Голубков. Красные! ... А вон еще въехали, у тех синие с красными боками ...

Барабанчикова. "Въехали с боками"! ... Черт тебя возьми! С лампасами?

(Послышалась глухая команда де Бризара: "Первый эскадрон, слезай!") Что такое! Не может быть? Его голос! (Голубкову.) Ну, теперь кричи, теперь смело кричи, разрешаю! (Сбрасывает с себя попону и тряпье и выскакивает в виде генерала Чарноты. Он в черкеске со смятыми серебряными погонями. Револьвер, который у него был в руках, засовывает в карман; подбегает к окну, распахивает его, кричит.) Здравствуйтесь, гусары! Здравствуйтесь, донцы! Полковник Бризар, ко мне!

(Дверь открывается, и первой вбегает Люська в косынке сестры милосердия, в кожаной куртке и в высоких сапогах со шпорами. За ней—обросший бородой Бризар и вестовой Крапилин с факелом.)

Люська. Гриша! Гри-Гри-! (Брасается на шею Чарноты.) Не верю глазам! Живой? Спасся? (Кричит в окно.) Гусары, слушайте, генерала Чарноту отбили у красных!

(За окном шум и крики.)

Люська. Ведь мы по тебе панихиду собирались служить!

Чарнота. Смерть видел вот так близко, как твою косынку. Я как поехал в штаб к Крапчикову, а он меня, сукин кот, в винт посадил играть ... малый в червах ... и на тебе—пулеметы! Буденный—на тебе, с небес! Начисто штаб перебили! Я отстрелялся, в окно и огородами в поселок к учителю Барабанчикову, давай, говорю, документы! А он, в панике, взял, да не те документы мне и сунул! Приползаю

сюда, в монастырь, глядь, документы-то бабьи, женины—мадам Барабанчикова, и удостоверение—беременная! Кругом красные, ну, говорю, кладите меня, как я есть, в церкви! Лежу, рожаю, слышу, шпорами—шлеп, шлеп! ...

Люська. Кто?

Чарнота. Командир-буденовец.

Люська. Ах!

Чарнота. Думаю, куда же ты, буденовец, шлепаешь? Ведь твоя смерть лежит под попоной! Ну приподымай, приподымай ее скорей! Будут тебя хоронить с музыкой! И паспорт он взял, а попоны не поднял!

(Люська визжит.)

(Выбегает, в дверях кричит.) Здравствуй, племя казачье! Здорово, станичники!

(Послышались крики. Люська выбегает вслед за Чарнотой.)

Де Бризар. Ну, я-то попоны приподыму! Не будь я краповый черт, если я на радостях в монастыре кого-нибудь не повешу! Этих, видно, красные второпях забыли! (Махрову.) Ну, у тебя и документ спрашивать не надо. По волосам видно, что за птица! Крапилин, свети сюда!

Паисий (влетает). Что вы, что вы? Это его высокопреосвященство! Это высокопреосвященнейший Африкан!

Де Бризар. Что ты, сатана чернохвостая, несешь?

(Махров сбрасывает шапку и тулуп.)

(Всматривается в лицо Махрова.) Что такое? Ваше высокопреосвященство, да это действительно вы?! Как же вы сюда попали?

Африкан. В Курчулан приехал благословить донской корпус, а меня пленили красные во время набега. Спасибо, монахи снабдили документами.

Де Бризар. Черт знает что такое! (Серафиме.) Женщина, документ!

Серафима. Я жена товарища министра торговли. Я застряда в Петербурге, а мой муж уже в Крыму. Я бегу к нему. Вот фальшивые документы, а вот настоящий паспорт. Моя фамилия Корзухина.

Де Бризар. Mille excuses, madame! А вы, гусеница в штатском, уж не обер ли вы прокурор?

Голубков. Я не гусеница, простите, и отнюдь не обер-прокурор! Я сын знаменитого профессора-идеалиста Голубкова и сам приват-доцент, бегу из Петербурга к вам, к белым, потому что в Петербурге работать невозможно.

Де Бризар. Очень приятно. Неов ковчег!
(Кованый люк в полу открывается, из него подымается дряхлый Игумен, а за ним—хор монахов со свечами.)

Игумен (Африкану). Ваше высокопреосвященство! (Монахам.) Братие! Сподобились мы владыку от рук нечестивых социалов спасти и сохранить! (Монахи облакают взволнованного Африкана в мантию, подают ему жезл.)

Владыко. Прими вновь жезл сей, им же утверждай паству ...

Африкан. Воззри с небес, боже, и виждь и посети виноград сей, его же насади десница твоя!

Монахи (внезапно запели).

Εἰς πολλὰ ἐτη δεσποτα!...

(В дверях вырастает Чарнота, с ним—Люська.

Чарнота. Что вы, отцы святые, белены объелись, что ли? Не ко времени эту церемонию затеяли! Ну-ка, хор! ... (Показывает жестом—”чходите”.)

Африкан. Братие! Выйдите!
(Игумен и монахи уходят в землю.)

Чарнота (Африкану). Ваше высокопреосвященство, что же это вы тут богослужение устроили? Драпать надо! Корпус идет за нами по пятам, ловят нас! Нас Буденный к морю придушит! Вся армия уходит! В Крым идем! К Роману Хлудову под крыло!

Африкан. Всеблагий господи, что же это? (Схватывает свой тулуп.) Двуколки с вами-то есть? (Исчезает.)

Чарнота. Карту мне! Свети, Крапилин! (Смотрит на карту.) Все заперто! Гроб!

Люська. Ах ты, Крапчиков, Крапчиков! ...

Чарнота. Стой! Щель нашел! (Де Бризару.) Возьмешь свой полк, пойдешь на Алманайку. Притянешь их немножко на себя, тогда на Бабий Гай и переправляйся хоть по глотку! Я после тебя подамся к молоканам на хутора, с донцами, и хоть позже тебя, а выйду на Арабатскую стрелу, там соединимся. Через пять минут выходи!

Де Бризар. Слушаю, ваше превосходительство.

Чарнота. Ф-фу! ... Дай хлебнуть, полковник.

Голубков. Серафима Владимировна, вы слышите? Белые уезжают. Нам надо бежать с ними, иначе мы опять попадем в руки к красным. Серафима Владимировна, почему вы не отзываетесь, что с вами?

Люська. Дай и мне.
(Де бризар подает фляжку Люське.)

Голубков (Чарноте). Господин генерал, умоляю вас, возьмите нас с собой! Серафима Владимировна заболела ... Мы в Крым бежим ... С вами есть лазарет?

Чарнота. Вы в университет учились?

Голубков. Конечно, да ...

Чарнота. Производите впечатление совершенно необразованного человека. Ну, а если вам пуля попадет в голову на Бабьем Гае, лазарет вам очень поможет, да? Вы бы еще спросили, есть ли у нас рентгеновский кабинет. Интеллигенция! ... Дай-ка еще коньяку!

Люська. Надо взять. Красивая женщина, красным достанется.

Голубков. Серафима Владимировна, подымайтесь! Надо ехать!

Серафима (глухо). Знаете что, Сергей Павлович, мне, кажется, действительно нездоровится ... Вы поезжайте один, а я здесь в монастыре прилягу ... мне что-то жарко ...

Голубков. Боже мой! Серафима Владимировна, это невыносимо! Серафима Владимировна, подымайтесь!

Серафима. Я хочу пить ... и в Петербург ...

Голубков. Что же это такое?

Люська (победоносно). Это тиф, вот что это такое.

Де Бризар. Сударыня, вам бежать надо, вам худо у красных придется. Впрочем я говорить не мастер. Крапилин, ты красноречив, уговори даму!

Крапилин. Так точно, ехать надо.

Голубков. Серафима Владимировна, надо ехать ...

Де Бризар (глянул на браслет-часы.) Пора! (Выбегает.)
(Послышалась его команда: "Садись!"—потом топот.)

Люська. Крапилин! Подымай ее, бери силой!

Крапилин. Слушаюсь! (Вместе с Голубковым поднимают Серафиму, ведут под руки.)

Люська. В двуколку ее!
(Уходят.)

Чарнота (один, допивает коньяк, смотрит на часы). Пора.

Игумен (вырастет из люка). Белый генерал! Куда же ты? Неужто ты не отстоишь монастырь, давший тебе приют и спасение?!

Чарнота. Что ты, папаша, меня расстраиваешь? Колоколам языки подвяжи, садись в подземелье! Прощай! (Исчезает.)
(Послышался его крик: "Садись! Садись!"—потом страшный топот, и

все сморлкает. Паисий появляется из люка.)

Паисий. Отче игумен! А отец игумен! Что ж нам делать? Ведь красные прискачут сейчас! А мы белым звонили! Что же нам, мученический венец принимать?

Игумен. А где ж владыко?

Паисий. Ускакал, ускакал в двуколке!

Игумен. Пастырь, пастырь недостойный ... Покинувший овцы своя! (Кричит глухо в подземелье.) Вратие! Молитесь!

(Из-под земли глухо послышалось: "Святителю отче Николае, моли бога о нас ...")

(Тьма съедает монастырь. Сон первый кончается.)

Сон Второй

... Сны мои становятся все тяжелее ...

(Возникает зал на неизвестной и большой станции где-то в северной части Крыма. На заднем плане зала необычных размеров окна, за ними чувствуется черная ночь с голубыми электрическими лунами.)

(Случился зверский, непонятный в начале ноября в Крыму мороз. Сковал Сиваш, Чонгар, Перекоп и эту станцию. Окна оледенели, и по ледяным зеркалам время от времени текут змеиные огненные отблески от проходящих поездов. Горят переносные железные черные печки и керосиновые лампы на столах. В глубине, над выходом на главный перрон, надпись по старой орфографии: "Отдѣление оперативное". Стеклянная перегородка, в ней зеленая лампа казенного типа и два зеленых, похожих на глаза чудовищ, огня кондукторских фонарей. Рядом на темном облупленном фоне, белый юноша на коне копьём поражает чешуйчатого дракона. Юноша этот—Георгий Победоносец, и перед ним горит граненая разноцветная лампада. Зал занят белыми штабными офицерами. Большинство из них в башлыках и наушниках. Бесчисленные полевые телефоны, штабные карты с флажками, пишущие машинки в глубине. На телефонах то и дело вспыхивают разноцветные сигналы, телефоны поют нежными голосами.)

(Штаб фронта стоит третьи сутки на этой станции и третьи сутки не спит, но работает, как машина. И лишь опытный и наблюдательный глаз мог бы увидеть беспокойный налет в глазах у всех этих людей. И еще одно—страх и надежду можно разобрать в этих глазах, когда они обращаются туда, где некогда был буфет первого класса.)

(Там, отделенный от всех высоким буфетным шкафом, за конторкой, съжившись на высоком табурете, сидит Роман Валерьянович Хлудов. Человек этот лицом бел, как кость, волосы у него черные, причесаны на вечный неразрушимый офицерский пробор. Хлудов курнос, как Павел, брит, как актер, кажется моложе всех окружающих, но глаза у него старые. На нем солдатская шинель, подпоясан он ремнем по ней не то по-вабьи, не то как помещики подпоясывали шлафрок. Погоны суконные, и на них небрежно нашит черный генеральский зигзаг. Фуражка защитная, грязная, с тусклой кокардой, на руках варежки.)

(На Хлудове нет никакого оружия. Он болен чем-то, этот человек, весь болен, с ног до головы. Он морщится, дергается, любит менять интонации. Задает самому себе вопросы и любит сам же на них отвечать. Когда хочет изобразить улыбку, скалится.)

(Он возбуждает страх. Он болен—Роман Валерьянович. Возле Хлудова, перед столом на котором несколько телефонов, сидит и пишет исполнительный и влюбленный в Хлудова есаул Голован.)

Хлудов (диктует Головну). "... Запятая. Но Фрунзе обозначенного противника на маневрах изображать не пожелал. Точка. Это не шахматы и не Царское незабвенное Село. Точка. Подпись—Хлудов. Точка".

Голован (передает написанное кому-то). Зашифровать, послать главнокомандующему.

Первый штабной (осветившись сигналом с телефона, стонет в телефон). Да, слушаю ... слушаю ... Буденный? ... Буденный? ...

Второй штабной (стонет в телефон). Нет, на Карпову балку ...

Голован (осветившись сигналом, подает Хлудову трубку). Ваше превосходительство ...

Хлудов (в трубку). Да. Да. Да. Нет. Да. (Возвращает трубку Головану.) Мне коменданта.

Голован. Коменданта!

(Голоса-эхо побежали: "Коменданта, коменданта!" Комендант, бледный, косящий глазами, растерянный офицер в красной фуражке, пробегает между столами, предстает перед Хлудовым.)

Хлудов. Час жду бронепоезд "Офицер" на Таганаш. В чем дело? В чем дело? В чем дело?

Комендант (мертвым голосом). Начальник станции, ваше превосходительство, доказал мне, что "Офицер" пройти не может.

Хлудов. Дайте мне начальника станции.

Комендант (бежит, на ходу говорит кому-то всхлипывающим голосом). Что ж я-то поделаю?

Хлудов. У нас трагедии начинаются. Бронепоезд параличом разбило. С палкой ходит бронепоезд, а пройти не может. (Звонит.)

(На стене вспыхивает надпись: "Отделение контрразведывательное." На звонок из стены выходит Тихий, останавливается около Хлудова, тих и внимателен.)

Хлудов (обращается к нему). Никто нас не любит, никто. И из-за этого трагедии, как в театре все равно.

(Тихий тих.)

Хлудов (яростно). Печка с угаром, что ли?

Голован. Никак нет, угару нет.

(Перед Хлудовым предстает Комендант, а за ним Начальник станции.)

Хлудов (Начальнику станции). Вы доказали, что бронепоезд пройти не может?

Начальник станции (говорит и движется, но уже сутки человек мертвый). Так точно, ваше превосходительство. Физической силы-возможности нету! Вручную сортировали и забили начисто, пробка!

Хлудов. Вторая, значит, с угаром?

Голован. Сию минуту! (Кому-то в сторону.) Залить печку!

Начальник станции. Угар, угар.

Хлудов (Начальнику станции). Мне почему-то кажется, что вы хорошо относитесь к большевикам. Вы не бойтесь, поговорите со мной откровенно. У каждого человека есть свои убеждения, и скрывать их он не должен. Хитрец!

Начальник станции (говорит вздор). Ваше высокопревосходительство, за что же такое подозрение? У меня детишки ... еще при государе императоре Николае Александровиче ... Оля и Павлик, детки ... тридцать часов не спал, — верьте богу!—и лично председателю Государственной думы Михаилу Владимировичу Родзянко известен. Но я ему, Родзянко, не сочувствую ... У меня дети ...

Хлудов. Искренний человек, а? Нет? Нужна любовь, а без любви ничего не сделаешь на войне! (Укоризненно, Тихому.) Меня не любят. (Сухо.) Дать сапер. Толкать, сортировать. Пятнадцать минут времени, чтобы "Офицер" прошел за выходной семафор! Если в течение этого времени приказание не будет исполнено, коменданта арестовать! А начальника станции повесить на семафоре, осветив под ним подпись "Саботаж".

(Вдали в это время послышался нежный медленный вальс. Когда-то под этот вальс танцевали на гимназических балах.)

Начальник станции (вяло). Ваше высокопревосходительство, мои

дети еще в школу не ходили ...

(Тихий берет Начальника станции под руку и уводит. За ними—Комендант.)

Хлудов. Вальс?

Голован. Чарнота подходит, ваше превосходительство.

Начальник станции (за стеклянной перегородкой оживает, кричит в телефон). Христофор Федорович! Христом-богом заклинаю: с четвертого и пятого пути все составы вплотную гони на Таганаш! Соперы будут! Как хочешь толкай! Господом заклинаю!

Николаевна (появилась возле Начальника станции.) Что такое, Вася, что?

Начальник станции. Ох, беда, Николаевна! Беда над семьей! Ольку, Ольку волокн сюда, в чем есть волокн!

Николаевна. Ольку? Ольку? (Исчезает.)

(Вальс обрывается. Дверь с перрона открывается, и входит Чарнота, в бурке и папахе, проходит к Хлудову. Люська, вбежавшая вместе с Чарнотой, остается в глубине у дверей.)

Чарнота. С Чонгарского дефиле, ваше превосходительство, сводная кавалерийская дивизия подошла.

(Хлудов молчит, смотрит на Чарноту.)

Ваше превосходительство! (Указывает куда-то вдаль.) Что же это вы делаете? (Внезапно снимает папаху.) Рома! Ты генерального штаба! Что же ты делаешь? Рома, прекарати!

Хлудов. Молчать!

(Чарнота надевает папаху.)

Обоз бросите здесь, пойдете на Карпову балку, станете там.

Чарнота. Слушаю. (Отходит.)

Люська. Куда?

Чарнота (тускло). На Карпову балку.

Люська. Я с тобой. Бросаю я этих раненых и Серафиму тифозную.

Чарнота (тускло). Можешь погибнуть.

Люська. Ну и слава богу! (Уходит с Чарнотой.)

(Послышалось лязганье, стук, потом страдальческий вой бранепоезда. Николаевна врывается за перегородку, тащит Ольку, закутанную в платок.)

Николаевна. Вот она, Олька, вот она!

Начальник станции (в телефон). Христофор Федорович, дотянул?! Спасибо тебе, спасибо! (Схватывает Ольку на руки, бежит к Хлудову.) (За ним—Тихий и Комендант.)

Хлудов (Начальнику станции). Ну что, дорогой, прошел? Прошел?

Начальник станции. Прошел, ваше высокопревосходительство, прошел!
Хлудов. Зачем ребенок?

Начальник станции. Олечка, ребенок ... способная девочка. Служу двадцать лет и двое суток не спал.

Хлудов. Да, девочка ... Серсо. В серсо играет? Да? (Достает из кармана карамель.) Девочка, на! Курить доктора запрещают, нервы растороены. Да не помогает карамель, все равно курю и курю.

Начальник станции. Бери, Олюшенька, бери ... Генерал добрый. Скажи, Олюшенька, "мерси" ... (Подхватывает Ольку на руки, уносит за перегородку, и Никалаевна исчезает с Олькой.)

(Опять послышался вальс и стал удаляться. Из двери, не той, в которую входил Чарнота, а из другой, входит Парамон Ильич Корзухин. Это необыкновенно европейского вида человек в очках, в очень дорогой шубе и с портфелем. Подходит к Головану, подает ему карточку. Голован передает карточку Хлудову.)

Хлудов. Я слушаю.

Корзухин (Хлудову). Честь имею представиться. Товарищ министра торговли Корзухин. Совет министров уполномочил меня, ваше превосходительство, обратиться к вам с тремя запросами. Я только что из Севастополя. Первое: мне поручили узнать о судьбе арестованных в Симферополе пяти рабочих, увезенных, согласно вашего распоряжения, сюда в ставку.

Хлудов. Так. Ах да, ведь вы с другого перрона! Есаул! Предъявите арестованных господину тогварищу министра.

Голован. Прошу за мной. (При общем напряженном внимании ведет Корзухина к главной двери на заднем плане, приоткрывает ее и указывает куда-то ввысь.)

(Корзухин вздрагивает. Возвращается с Голованом к Хлудову.)

Хлудов. Исчерпан первый вопрос? Слушаю второй.

Корзухин (волнуясь). Второй касается непосредственно моего министерства. Здесь на станции застряли грузы особо важного назначения. Испрашиваю разрешения и содействия вашего превосходительства к тому, чтобы их срочно протолкнуть в Севастополь.

Хлудов (мягко). А какой именно груз?

Корзухин. Экспортный пушной товар, предназначенный за границу.

Хлудов (улыбнувшись). Ах пушной экспортный! А в каких составах груз?

Корзухин (подает бумагу). Прошу вас.

Хлудов. Есаул Голован! Составы, указанные здесь, выгнать в тупик,

в керосин и зажечь!

(Голован, приняв бумагу, исчез.)

(Мягко.) Покороче, третий вопрос?

Корзухин (остолбенев). Положение на фронте? ...

Хлудов (зевнув). Ну какое может быть положение на фронте! Бестолочь! Из пушек стреляют, командующему фронтом печку с угаром под нос подсунули, кубанцев мне прислал главнокомандующий в подарок, а они босые. Ни ресторана, ни девочек! Зеленая тоска. Вот и сидим на табуретах, как попугаи. (Меня интонацию, шипит.) Положение? Поезжайте, господин Корзухин, в Севастополь и скажите, чтобы тыловые гниды укладывали чемоданы! Красные завтра будут здесь! И еще скажите, что заграничным шлюхам собольих манжет не видать! Пушной товар!

Корзухин. Неслыханно! (Травлено озирается.) Я буду иметь честь доложить об этом главнокомандующему.

Хлудов (вежливо). Пожалуйста.

Корзухин (пятясь, уходит к боковой двери, по дороге спрашивает). Какой поезд будет на Севастополь сейчас?

(Никто ему не отвечает. Слышно, как подходит поезд.)

Начальник станции (мертвея, предстает перед Хлудовым). С Кермана Кемальчи особое назначение!

Хлудов. Смирно! Господа офицеры!

(Вся ставка встает. В тех дверях, из которых выходит Корзухин, появляются двое конвойных казаков в малиновых башлыках, вслед за ними—Белый главнокомандующий в заломленной на затылок папахе, длиннейший шинели, с кавказской пашкой, а вслед за ним—высокопреосвященнейший Африкан, который ставку благословляет.)

Главнокомандующий. Здравствуйтесь, господа!

Штабные. Здравия желаем, ваше высокопревосходительство!

Хлудов. Попрошу разрешения рапорт представить вашему высокопревосходительству конфиденциально.

Главнокомандующий. Да. Всем оставить помещение. (Африкану.) Владыко, у меня будет конфиденциальный разговор с командующим фронтом.

Африкан. В добрый час! В добрый час!

(Все выходят, и Хлудов остается наедине с Главным командующим.)

Хлудов. Три часа тому назад противник взял Юшунь. Большевики в Крыму.

Главнокомандующий. Конец?

Хлудов. Конец.
(Молчание.)

Главнокомандующий (в дверь). Владыко!
(Африкан, встревоженный, появляется.)

Владыко! Западноевропейскими державами покинутые, коварными поляками обманутые, в этот страшный час только на милосердие божие уповаем!

Африкан (понял, что наступила беда). Ай-яй-яй!

Главнокомандующий. Помолитесь, владыко святой!

Африкан (переде Георгием Поведаносцем). Всемогуший господь! За что? За что новое испытание посылаешь чадам своим, Христову именитому воинству? С нами крестная сила, она низлагает врага благословенным оружием.

(В стеклянной перегородке показалось лицо Начальника станции, тоскующего от страха.)

Хлудов. Ваше бысокопреосвященство, простите, что я вас перебиваю, но вы напрасно беспокоите господа бога. Он уже явно и давно от нас отступился. Ведь это что ж такое? Никогда не бывало, а теперь воду из Сиваша угнало, и большевики, как по паркету, прошли. Георгий-то Победоносец смеется!

Африкан. Чот вы, доблестный генерал?!

Главнокомандующий. Я категорически против такого тона. Вы явно нездоровы, генерал, и я жалею, что бы летом не уехали за границу лечиться, как я советовал.

Хлудов. Ах вот как! А у кого бы, ваше высокопревосходительство, ваши солдаты на Перекопе вал удерживали? У кого бы Чарнота в эту ночь с музыкой с Чонгара на Карпову балку пошел? Кто бы вешал? Вешал бы кто, ваше высокопревосходительство?

Главнокомандующий (темнея). Что это такое?

Африкан. Господи, воззри на них, просвети и укрепи! Аще царство разделится, вскоре раззорится! ...

Главнокомандующий. Впрочем, сейчас не время ...

Хлудов. Да, не время. Вам нужно немедленно возвращаться в Севастополь.

Главнокомандующий. Да. (Вынимает конверт, подает его Хлудову.) Прошу немедленно вскрыть.

Хлудов. А, уже готово! Вы предвидели? Это хорошо. Ныне отпускаеши раба твоего, владыко ... Слушаю. (Кричит.) Поезд главнокомандующему! Конвой! Ставка!

Начальник станции (за перегородкой бросается к телефону). Керман

Кемальчи! Дай жезл! Дай жезл!

(Появляются конгойные казаки и все штабные.)

Главкомандующий. Командующий фронтом ...

(Ставка берет под козырек.)

... объявит вам мой приказ. Да ниспошлет нам всем господь силы и разум пережить русское лихолетие! Всех и каждого честно предупреждаю, что иной земли, кроме Крыма, у нас нет.

(Внезапно дверь распахивается, и появляется де Бризар с завязанной марлей головой, становится во фронт Главкомандующему.)

Де Бризар. Здравия желаю, ваше императорское величество! (Ставке, таинственно.) "Графиня, ценой одного рандеву, хотите, пожалуй, я вам назову ..."

Главкомандующий. Что это?

Голован. Командир гусарского полка граф де Бризар контужен в голову.

Хлудов (как во сне). Чонгар ... Цонгар ...

Главкомандующий. В мой поезд со мной, в Севастополь! (Быстро выходит в сопровождении конвойных казаков.)

Африкан. Господи! Господи! (Благословляет ставку, быстро выходит.)

Де Бризар (увлекаемый штабными). Виноват! ... "Графиня, ценой одного рандеву" ...

Штабные. В Севастополь, граф, в Севастополь ...

Де Бризар. Виноват! ... Виноват! ... (Исчезает.)

Хлудов (вскрывает конверт. Прочитал, оскалится. Головану). Летчика на Карпову балку к генералу Барбовичу. Приказ—от неприятеля оторваться, рысью в Ялту и грузиться на суда!

(По ставке проносится шелест: "Аминь, аминь ... " Потом могильная тишина.)

Другого—к генералу Кутепову: оторваться, в Севастополь и грузиться на суда. Фостикову—с кубанцами в Феодосию. Калинину—с донцами в Керчь. Чарноте—в Севастополь! Всем на суда! Ставку свернуть мгновенно, в Севастополь! Крым сдан!

Голован (поспешно выходя). Летчиков! Летчиков!

(Группы штабных начинают таять. Сворачиваются карты, начинают исчезать телефоны.)

(Послышалось, как взревел поезд и ушел. Суета, порядка уже нет. Тут распахивается дверь, из которой выходил Чарнота, и появляется Серафима, в бурке. За ней—Голувков и Крапилин, пытающиеся ее удержать.)

Голубков. Серафима Владимировна, опомнитесь, сюда нельзя! (Удивленным штабным.) Тифозная женщина! ...

Крапилин. Так точно, тифозная.

Серафима (звонко). Кто здесь Роман Хлудов?
(При этом нелепом вопросе возникает тишина.)

Хлудов. Ничего, пропустите ко мне. Хлудов—это я.

Голубков. Не слушайте ее, она больна!

Серафима. Из Петербурга бежим, все бежим да бежим ... Куда? К Роману Хлудову под крыло! Все Хлудов, Хлудов, Хлудов ... Даже снится Хлудов! (Улыбается.) Вот и удостоилась лицезреть: сидит на табуретке, а кругом висят мешки. Мешки да мешки! ... Зверюга! Шакал!

Голубков (отчаянно). У нее тиф! Она бредит! ... Мы из эшелона!
(Хлудов звонит, и из стены выходят Тихий и Гурин.)

Серафима. Ну что же! Они идут и всех вас прикончат!
(В группе штабных шорох: "А-а ... коммунистка!")

Голубков. Что вы! Что вы! Она жена товарища министра Корзухина!
Она не отдает себе отчета в том, что говорит!

Хлудов. Это хорошо, потому что, когда у нас, отдавая отчет, говорит, ни слова правды не добьешься.

Голубков. Она—Корзухина!

Хлудов. Стоп, стоп, стоп! Корзухина? Это—пушной товар? Так у этого негодяя еще и жена коммунистка? У, благословенный случай! Ну, я с ним сейчас посчитаюсь! Если только он не успел уехать, дать мне его сюда!

(Тихий дает знак Гурину, и тот исчезает.)

Тихий (мягко, Серафиме). Как ваше имя-отчество?

Голубков. Серафима Владимировна ... Серафима ...
(Гурин вводит Корзухина. Тот смертельно бледен, чует беду.)
Вы—Парамон Ильич Корзухин?

Корзухин. Да, это я.

Голубков. Слава богу, вы выехали нам навстречу! Наконец-то!

Тихий (ласково, Корзухину). Ваша супруга, Серафима Владимировна, приехала к вам из Петербурга.

Корзухин (посмотрел в глаза Тихому и Хлудову, учуял какую-то ловушку). Никакой Серафимы Владимировны не знаю, эту женщину вижу впервые в жизни, никого из Петербурга не жду, это обман.

Серафима (поглядев на Корзухина, мутно). А-а, отрекся! У, гадина!
Корзухин. Это шантаж!

Голубков (отчаянно). Парамон Ильич, что вы делаете?! Этого не может быть!

Хлудов. Искренний человек, а? Ну, ваше счастье, господин Корзухин! Пушной товар! Вон!

(Корзухин исчезает.)

Голубков. Умоляю вас допросить нас! Я докажу, что она его жена!

Хлудов (Тихому). Взять обоих, допросить!

Тихий (Гурину). Забирай в Севастополь.

(Гурин берет Серафиму под руку.)

Голубков. Вы же интеллигентные люди! ... Я докажу! ...

Серафима. Вот один только человек и нашелся в дороге ... Ах, Крапилин, красноречивый человек, что же ты не заступись?

(Серафиму и Голублова уводят.)

Крапилин (став перед Хлудовым). Точно так. Как в книгах написано: шакал! Только одними удавками войны не выиграешь! За что ты, мировой зверь, порезал солдат на Перекопе? Попался тебе, впрочем, один человек, женщина. Пожалела удушенных, только и всего. Но мимо тебя не проскочишь, не проскочишь! Сейчас ты человека—цап и в мешок! Стервятиной питаешься.

Тихий. Позвольте убрать его, ваше превосходительство?

Хлудов. Нет. В его речи проскальзывают здравые мысли насчет войны. Поговори, солдат, поговори.

Тихий (манит кого-то пальцем, и из двери контрразведывательного отделения выходят два контрразведчика. Шепотом.) Доску.

(Появляется Третий контрразведчик с куском фанеры.)

Хлудов. Как твоя фамилия, солдат?

Крапилин (заносясь в губительные выси). Да что фамилие? Фамилие у меня неизвестное—Крапилин-вестовой! А ты пропадешь, шакал, пропадешь, оголтелый зверь, в канаве! Вот только подожди здесь на своей табуретке! (Улыбаясь.) Да нет, убежишь, убежишь в Константинополь! Храбр ты только женщин вешать да слесарей!

Хлудов. Ты ошибаешься, солдат, я на Чонгарскую Гать ходил с музыкой— и на Гати два раза ранен.

Крапилин. Все губернии плюют на твою музыку! (Вдруг очнулся, вздрогнул, опустился на колени, говорит жаловно.) Ваше высокопревосходительство, смилуйтесь над Крапилиным! Я был в забвении!

Хлудов. Нет! Плохой солдат! Ты хорошо начал, а кончил скверно. Валяешься в ногах? Повесить его! Я не могу на него смотреть!

(Контрразведчики мгновенно накидывают на Крапилина черный мешок

и увлекают его вон.)

Голован (появляясь). Приказание вашего превосходительства исполнено. Летчки вылетели.

Хлудов. Всем в поезд, господа. Готовь, есаул, мне конвой и вагон! (Все исчезают.)

(Один, берет телефонную трубку, говорит в нее.) Командующий фронтом говорит. На бронепоезд "Офицер" передать, чтобы прошел, сколько может, по линии, и огонь, огонь! По Таганашу огонь, огонь! Пусть в землю втопчет на прощанье! Потом пусть рвет за собой путь и уходит в Севастополь! (Кладет трубку, сидит один, скорчившись на табуретке.) (Пролетел далекий вой бронепоезда.)

Чем я болен? Болен ли я?

(Раздается залп с бронепоезда. Он настолько тяжел, этот залп, что звука почти не слышно, но электричество мгновенно гаснет в зале станции, и обледенелые окна обрушиваются. Теперь обнажается перрон. Видны голубоватые электрические луны. Под первой из них, на железном столбе, висит длинный черный мешок, под ним фанера с надписью углем: "Вестовой Крапилин—большевик".)

(Под следующей мачтой другой мешок, дальше ничего не видно.)

(Один в полутьме смотрит на повешенного Крапилина.)

Я болен, я болен. Только не знаю чем.

(Олька появилась в полутьме, выпущенная в панике. Тащится в валенках по полу.)

Начальник станции (в полутьме ищет и сонно бормочет). Дура, дура Николаевна ... Олька. Олька-то где? Олечка, Оля, куда же ты, дурочка, куда ты? (Схватывает Ольку на руки.) Иди на руки, на руки к отцу ... А туда не смотри ... (Счастлив, что не замечен, проваливается в тьму, и сон второй кончается.)

(Конец первого действия)

Действие Второе

Сон Третий

... Игла светит во сне ...

(Какое-то грустное освещение. Осенние сумерки. Кабинет в контрразведке в Севастополе. Одно окно, письменный стол, диван. В углу на столике множество газет. Шкаф. Портьеры. Тихий сидит за письменным столом в штатском платье. Дверь открывается, и Гурин впускает Голубкова.)

Гурин. Сюда ... (Скрывается.)

Тихий. Садитесь, пожалуйста.

Гокубков (он в пальто, в руках шляпа). Благодарю вас. (Садится.)

Тихий. Вы, по-видимому, интеллигентный человек?

(Голубков робко кашлянул.)

И я уверен, вы понимаете, насколько нам, а следовательно, и командованию важно знать правду. О контрразведке красные распространяют гадкие слухи. На самом же деле это учреждение исполняет труднейшую и совершенно чистую работу по охране государства от большевиков. Согласны ли вы с этим?

Гокубков. Я, видите ли ...

Тихий. Вы меня боитесь?

Голубков. Да.

Тихий. Но почему же? Разве вам причинили какое-нибудь зло, пока везли сюда, в Севастополь?

Голубков. О нет, нет, этого я не могу сказать!

Тихий. Курите, пожалуйста. (Предлагает папиросы.)

Голубков. Я не курю, благодарю вас. Умоляю вас, скажите, что с ней?

Тихий. Кто вас интересует?

Голубков. Она ... Серафима Владимировна, арестованная вместе со мной. Клянусь, что это просто нелепая история! У нее припадок был, она тяжело больна!

Тихий. Вы волнуетесь, успокойтесь. О ней я вам скажу несколько позже.

(Молчание.)

Ну, довольно разыгрывать из себя приват-доцента! Мне надоела эта комедия! Мерзавец! Перед кем сидишь? Вестать смирно! Руки по швам!

Голубков (поднимаясь). Боже мой!

Тихий. Слушай, как твоя настоящая фамилия?

Голубков. Я поражен ... моя настоящая фамилия Голубков!

Тихий (вынимает револьвер, целится в Голубкова. Том закрывает лицо руками). Ты понимаешь ли, что ты в моих руках? Никто не придет к тебе на помощь! Ты понял?

Голубков. Понял.

Тихий. Итак, условимся: ты будешь говорить чистую правду. Смотри сюда. Если ты начнешь лгать, я включу эту иглу (включает иглу, которая, нагреваясь от электричества, начинает светить) и коснусь ею тебя. (Тушит иглу.)

Голубков. Клянусь, что я действительно ...

Тихий. Молчать! Отвечать только на вопросы. (Прячет револьвер, берет перо, говорит скучающим голосом.) Садитесь, пожалуйста. Ваше имя, отчество и фамилия?

Голубков. Сергей Павлович Голубков.

Тихий (пишет, скучно). Где проживаете постоянно?

Голубков. В Петрограде.

Тихий. Зачем вы привыли в расположение белых из Советской России?

Голубков. Я давно уже стремился в Крым, потому что в Петрограде такие условия жизни, при которых я работать не могу. И в поезде познакомился с Серафимой Владимировной, которая тоже бежала сюда, и поехал с ней к белым.

Тихий. Зачем же приехала к белым именуемая себя Серафимой Корзухиной?

Голубков. Я твердо ... Я знаю, что она действительно Серафима Корзухина!

Тихий. Корзухин при вас на станции сказал, что это ложь.

Голубков. Клянусь, что он солгал!

Тихий. Зачем же ему лгать?

Голубков. Он испугался, он понял, что ему угрожает какая-то опасность.

(Тихий кладет перо, поддвигает руку к игле.)

Что вы делаете? Я говорю правду!

Тихий. У вас расстроены нервы, господин Голубков. Я записываю ваши показания, как вы видите, и ничего больше не делаю. Давно она состоит в коммунистической партии?

Голубков. Этого не может быть!

Тихий. Так. (Поддвигает Голубков лист бумаги, дает ему перо.) Пишите все, что сейчас показали, я буду вам диктовать, так вам будет легче. Предупреждаю вас, что если вы остановитесь, я коснусь вам иглой. Если не будете останавливаться, ничего не бойтесь, вам ничего не угрожает. (Зажигает иглу, которая освещает бумагу, диктует.) "Я, нежеподписавшийся ...

(Голубков начинает писать под диктовку.)

... Голубков Сергей Павлович, на допросе в контрразведывательном отделении ставки комфронтom 31 октября 1920 года показал двоеточие Серафима Владимировна Корсухина, жена Парамона Ильича Корзухина ..."—не останавливайтесь!—" ... состоящая в коммунистической пар-

тии, приехала из города Петрограда в район, занятый вооруженными силами Юга России, для коммунистической пропаганды и установления связи с подпольем в городе Севастополе точка. Приват-доцент... подпись." (Берет лист у Голубкова, тушит иглу.) Благодарю вас за чистосердечное показание, господин Голубков. В вашей невинности я совершенно убежден. Извините, если я с вами был временами несколько резок. Вы свободны. (Звонит.)

Гурин (входит). Я!

Гихий. Выведи этого арестованного на улицу и отпусти, он свободен.

Гурин (Голубкову). Иди.

(Голубков выходит вместе с Гуриным, забыв свою шляпу.)

Тихий. Поручик Скунский!

(Скунский входит. Очень мрачен.)

Тихий (зажигая на столе лампу). Оцените документ! Сколько даст Корзухин, чтобы откупиться?

Скунский. Здесь у трапа? Десять тысяч долларов. В Констрантинополе меньше. Советую у Корзухиной получить признание.

Тихий. Да. Задержите под каким-нибудь предлогом посадку Корзухина на полчаса.

Скунский. Моя доля?

(Тихий пальцами показывает—две.)

Сейчас пошлю агентуру. С Корзухиной поскорей. Поздно, сейчас конница уже идет грузиться. (Уходит.)

(Тихий звонит. Гурин входит.)

Тихий. Арестованную Корзухину. Она в памяти?

Гурин. Сейчас как будто полегче.

Тихий. Давай.

(Гурин выходит, потом через несколько времени вводит Серафиму. Та в жару. Гурин выходит.)

Вы больны? Я не стану вас задерживать, садитесь на диван, туда, туда.

(Серафима садится на диван.)

Сознайтесь, что вы приехали для пропаганды, и я вас отпищу.

Серафима. Что? ... А? ... Какая пропаганда? Воже мой, зачем я сюда поехала?

(Послышался вальс, стал приближаться, а с ним—стрекот копыт за окном.)

Почему бальс играют у вас?

Тихий. Конница Чарноты идет на пристань, не отвлекайтесь. Ваш

сообщник Голубков показал, что вы приехали сюда для пропаганды.

Серафима (ложится на диван, тяжело отдувается). Уйдите все из комнаты, не мешайте мне спать ...

Тихий. Нет. Очинитесь, прочтите. (Показывает написанное Голубковым Серафиме.)

Серафима (щурится, читает). Петербург ... лампа ... он с ума сошел ... (Вдруг схватывает документ, комкает, подбегает к окну, локтем выбивает стекло, кричит.)

Помогите! Помогите! Здесь преступление! Чарнота! Сюда, на помощь!

Тихий. Гурин!

(Гурин вбегает, схватывает Серафиму.)

Отними документ! А, черт тебя возьми!

(Вальс обрывается. В окне мелькнуло лицо под папахой. Голос: "Что такое у вас?" Послышались голоса, стук дверей, шум. Дверь открывается, появляется Чарнота в бурке, за ним еще двое в бурках. Вбегает Скунский. Гурин выпускает Серафиму.)

Серафима. Чарнота! Это вы? Чарнота! Заступитесь! Посмотрите, что они делают со мной! Посмотрите, что они заставили его написать! (Чарнота берет документ.)

Тихий. Попрошу немедленно оставить помещение контрразведки!

Чарнота. Нет, что же—оставить? Что вы делаете с женщиной?

Тихий. Поручик Скунский, зовите караул!

Чарнота. Я вам подажу—караул! (Вытаскивает револьвер.) Что вы делаете с женщиной?

Тихий. Поручик Скунский, гасите свет!

(Свет гаснет.)

(В темноте.) Вам дорого это обойдется, генерал Чарнота!

(Тьма. Сон кончается.)

Сон Четвертый

... И множество разноплеменных

Людей вышли с ними ...

(Сумерки. Кабинет во дворце в Севастополе. Кабинет в странном виде: одна портьера на окне наполовину оборвана, на стене беловатое квадратное пятно на том месте, где была большая военная карта. На полу деревянный ящик, кажется, с бумагами. Горит камин. У каминной полки сидит неподвижно де Бризар с перевязанной головой. Входит Главнокомандующий.)

Главнокомандующий. Ну как ваша голова?

Де Бризар. Не болит, ваше высокопревосходительство. Пирамидону доктор дал.

Главнокомандующий. Так. Пирамидон? (Рассеян.) Как по-вашему, я похож на Александра Македонского?

Де Бризар (не удивляясь). Я, ваше превосходительство, к сожалению, давно не видел портретов его величества.

Главнокомандующий. Про кого говорите?

Де Бризар. Про Александра Македонского, ваше высокопревосходительство.

Главнокомандующий. Величества? ... Гм ... Вот что, полковник, вам надлежит отдохнуть. Я был очень рад приютить вас во дворце, вы честно исполнили свой долг перед отечеством. А теперь поезжайте, пора.

Де Бризар. Куда прикажете ехать, ваше высокопревосходительство?

Главнокомандующий. На корабль. Я позабочусь о вас за границей.

Де Бризар. Слушаюсь. Когда будет одержана победа над красными, я буду счастлив первый стать во фронт вашему величеству в Кремле!

Главнокомандующий. Полковник, нельзя так остро ставить вопросы. Вы слишком крайних взглядов. Итак, благодарю вас, поезжайте.

Де Бризар. Слушаю, ваше высокопревосходительство. (Идет к выходу, останавливается, таинственно поет.) "Графиня, ценой одного рандеву ... " (Скрывается.)

Главнокомандующий (вслед за ним говорит в дверь). Оставшихся посетителей впускать ко мне автоматически, через три минуты одного после другого. Приму, сколько успею. Пошлите казака отконвоировать полковника де Бризара ко мне на корабль! Напише врачу на корабль, что пирамидон—не лекарство! Он же явно ненормален! (Возвращается к камину, задумывается.) Александр Македонский ... Вот негодяи!

(Входит Корзухин.)

Вам что?

Корзухин. Товарищ министра Корзухин.

Главнокомандующий. А! Вовремя! Я вызвать вас хотел, невзирая на эту кутерьму. Господин Корзухин, я похож на Александра Македонского?

(Корзухин поражен.)

Я вас серьезно спрашиваю, похож? (Схватывает с камина газетный лист, тычет его Корзухину.) Вы редактор этой газеты? Значит, вы отвечаете за все, что в ней напечатано? Ведь это ваша подпись—

редактор Корзухин? (Читает.) "Главнокомандующий, подобно Александру Македонскому, ходит по перрону ..." Что означает эта свиная петрушка? Во времена Александра Македонского были перроны? И я похож? Дальше-с! (Читает.) "При взгляде на его веселое лицо всякий червяк сомнения должен рассеяться ..." Червяк не туча и не батальон, он не может рассеяться! А я весел? Я очень весел? Где вы набрали, господин Корзухин, эту безграмотную продажную ораву? Как вы смели это позорище печатать за два дня до катастрофы? Под суд отдам в Константинополе! Пирамидон принимать, если голова болит!

(Оглушительно грянул телефон в соседней комнате. Главнокомандующий выходит, хлопнув дверью.)

Корзухин (отдышавшись). Так вам и нужно, Парамон Ильич! Какого черта, спрашивается, меня понесло во дворец? Одному бесноватому жаловаться на другого? Ну схватили Серафиму Владимировну, ну что же я могу сделать? Ну погибнет, ну царство небесное! Что же мне из-за нее самому лишаться жизни? Александр Македонский грубиян! ... Под суд? Простите, Париж не Севастополь! В Париж! И будьте вы все прокляты и ныне, и присно, и во веки веков! (Устремляется к дверям.)

Африкан (входя). Аминь. Господин Корзухин, что делается, а?

Корзухин. Да, да, да ... (Незаметно ускользает.)

Африкан (глядя на ящики). Ай-яй-яй! Господи, господи! И отравились сыны израилевы из Раамсеса в Сокхоф до шестисот «тысяч» пеших мужчин, кроме детей ... Ах, ах ... И множество разноплеменных людей вышли с ними ...

(Быстро входит Хлудов.)

Вы, ваше превосходительство? А тут только что был господин Корзухин, вот странно ...

Хлудов. Вы мне прислали Библию в ставку в подарок?

Африкан. Как же, как же ...

Хлудов. Помню-с, читал от скуки ночью в купе. "Ты дунул духом твоим, и покрыло их море ... Они погрузились, как свинец, в великих водах ..." Про кого это сказано? А? "Погонюсь, настигну, разделю добычу, насытится ими душа моя, обнажу меч мой, истребит их рука моя ..." Что, хороша память? А он клеветает, будто я ненормален? А вы чего здесь торчите?

Африкан. Торчите? Роман Валерьянович! Я дожидаюсь главнокомандующего ...

Хлудов. Кто дожидается, тот дождется. Это в стиле вашей Библии. Знаете, чего вы здесь дождетесь?

Африкан. Чего?

Хлудов. Красных.

Африкан. Может ли быть так скоро?

Хлудов. Все может быть, мы вот тут с вами сидим, Священное писание вспоминаем, а в это время, вообразите, рысью с севера конница к Севастополю подходит ... (Подводит Африкана к окну.) Гляньте ...

Африкан. Зарево! Господи!

Хлудов. Оно смае. На корабль скорей, святой отец, на корабль! (Африкан, осенив себя частыми крестами, уходит.) Провалился!

Главкомандующий (входит). А, слава богу! С нетерпением вас ждал. Ну что, все ушли?

Хлудов. Конницу по дороге сильно трепали зеленые. Но, в общем, можно считать, ушли. А я сам уютно ехал. Забился в уголок купе, ни я никого не обижаю, ни меня никто. В общем, сумерки, ваше высокопревосходительство, как в кухне.

Главкомандующий. Я вас не понимаю, что вы говорите?

Хлудов. Да в детстве это было. В кухню раз вошел в сумерки— тараканы на плите. Я зажег спичку, чирк, а они и побежали. Спичка возьми и погасни. Слышу, они лапками шуршат—шур-шур, мур-мур ... И у нас тоже—мгла и шуршание. Смотрю и думаю: куда бегут? Как тараканы, в ведро. С кухонного стола—бух!

Главкомандующий. Благодарю вас, генерал, за все, что вы, с вашим громадным стратегическим талантом, сделали для Крыма, и больше не задерживаю. Я и сам сейчас переезжаю в гостиницу.

Хлудов. К воде поближе?

Главкомандующий. Если вы не перестанете забываться, я вас арестую.

Хлудов. Предвидел. В вестибюле мой конвой. Произойдет большой скандал, я популярен.

Главкомандующий. Нет, тут не болезнь. Вот уж целый год вы омерзительным паясничеством прикрываете ненависть ко мне.

Хлудов. Не скрою, ненавижу.

Главкомандующий. Зависть? Тоска по власти?

Хлудов. О нет, нет. Ненавижу за то, что вы меня вовлекли во все это. Где обещанные союзные рати? Где Российская империя? Как могли вы

вступить в борьбу с ними, когда вы бессильны? Вы понимаете, как может ненавидеть человек, который знает, что ничего не выйдет, и который должен делать? Вы стали причиной моей болезни! (Утихая.) Впрочем, теперь вообще не время, мы оба уходим в небытие.

Главнокомандующий. Я вам советую остаться здесь во дворце, это лучший способ для вас перейти в небытие.

Хлудов. Это мысль. Но я не продумал еще этого как следует.

Главнокомандующий. Я не держу вас, генерал.

Хлудов. Гоните верного слугу? ”И аз ниже кровь в непрестанных боях за тя аки воду лях и ляхх ... ”

Главнокомандующий (стукнув стулом). Клоун!

Хлудов. Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?

Главнокомандующий (при словах ”Александр Македонский” пришел в ярость). Если вы еще одно слово! ... Если вы ...

Конвойный (вырос из-под земли). Ваше высокопревосходительство, кавалерийская школа из Симферополя подошла. Все готово!

Главнокомандующий. Да? Едем! (Хлудову.) Мы еще увидимся! (выходит.)

Хлудов (один, садится к камину, спиной к двери). Пусто и очень хорошо. (Вдруг беспокойно встает, открывает дверь, показывается анфилада темных и брошенных комнат с люстрами в темных кисейных мешках.) Эй, кто тут есть? Нет никого. (Садится.) Итак, остаться? Нет, это не разрешает мой вопрос. (Садится.) Итак, остаться? Нет, это не разрешает мой вопрос. (Оборачивается, говорит кому-то.) Уйдешь ты или нет? Ведь это вздор! Я могу пройти сквозь тебя подобно тому, как вчера стрелой я пронзил туман. (Проходит как бы сквозь что-то.) Ну вот я и раздавил тебя. (Садится, молчит.) (Дверь тихонико открывается, и входит Голубков. Он в пальто, без шляпы.)

Голубков. Ради бога, позвольте мне войти на одну минуту!

Хлудов (не оборачиваясь). Пожалуйста, пожалуйста, войдите.

Голубков. Я знаю, что это безумная дерзость, но мне обещали, что меня допустят именно к вам. Но все разошлись куда-то, и я вошел.

Хлудов (не оборачиваясь). Что вам нужно от меня?

Голубков. Я осмелился прибежать сюда, ваше высокопревосходительство, чтобы сообщить об ужаснейших преступлениях, совершающихся в контрразведке. Я прибежал жаловаться на зверское преступление, причиной которого является генерал Хлудов. (Хлудов оборачивается.)

(Узнав Хлудова, пятится.) А-а ...

Хлудов. Это интересно. Позвольте, но ведь вы живой, вы же не повешены, надеюсь? В чем ваша претензия?

(Молчание.)

Приятное впечатление производите. Я вас где-то видел. Так будьте любезны, в чем претензия? Да не проявляйте, пожалуйста, трусости. Вы пришли говорить, ну и говорите.

Голубков. Хорошо. Позавчера на станции вы велели арестовать женщину ...

Хлудов. Помню, да. Помню. Вспомнил. Я вас узнал. Позвольте, кому же вы хотели здесь жаловаться на меня?

Голубков. Главнокомандующему.

Хлудов. Поздно. Нету его. (Указывает в окно.)

(Вдали мерцают огоньки, и видно малое зарево.)

Ведро с водой. Он погрузился в небытие навсегда. На генерала Хлудова более некому пожаловаться. (Подходит к столу, берет одну из телефонных трубок, говорит в нее.) Вестибюль? ... Есаула Голована ... Слушай, есаул, возьми с собой конвой и в контрразведку, там за мной записана женщина ... (Голубкову.) Корзухина?

Голубков. Да-да, Серафима Владимировна!

Хлудов (в телефон). Серафима Владимировна Корзухина. Если она не расстреляна, сию же минуту доставь мне ее сюда во дворец. (Кладет трубку.) Подождем.

Голубков. Если не расстреляна—вы сказали? Если не расстреляна? ... Ее расстреляли? Ну, если вы это сделали ... (Плачет.)

Хлудов. Ведите себя как мужчина.

Голубков. Ах, вы еще издеваетесь! Хорошо, я поведу ... Если только ее нет в живых, я вас убью!

Хлудов (вяло.) Что же, это, может быть, лучший исход. Да нет, никого вы не убьете, к сожалению. Молчите.

(Голубков садится и умолкает.)

(Отвернувшись от Голубкова, говорит кому-то.) Если ты стал моим спутником, солдат, то говори со мной. Твое молчание давит меня, хотя и представляется мне, что твой голос должен быть тяжелым и медным. Или оставь меня. Ты знаешь, что я человек большой воли и не поддамся первому видению, от этого высдоравливают. Пойми, что ты просто попал под колесо, и оно тебя стерло и кости твои сломало. И бессмысленно таскаться за мной. Ты слышишь, мой неизменный красноречивый вестовой?

Голубков. С кем вы говорите?

Хлудов. А? С кем? Сейчас узнаем. (Рукой разрезает воздух.) Ни с кем, сам с собой. Да. Так кто она вам, любовница?

Голубков. Нет-нет! Она случайно встреченный человек, но я ее люблю. Ах, я жалкий безумец! Зачем, зачем тогда в монастыре я ее, больную, поднял, уговорил ехать в эти дьявольские лапы ... Ах, я жалкий человек!

Хлудов. В самом деле, зачем вы подвернулись мне под ноги? Зачем вас принесло сюда? А теперь, когда машина сломалась, вы явились требовать у меня того, чего я вам дать не могу. Нет ее и не будет. Ее расстреляли.

Голубков. Злодей! Злодей! Бессмысленный злодей!

Хлудов. И вот с двух сторон: живой, говорящий, нелепый, а с другой—молчащий вестовой. Что со мной? Душа моя раздвоилась, и слова я слышу мутно, как сквозь воду, в которую погружаюсь, как свинец. Оба, проклятые, висят на моих ногах и тянут меня во мглу, и мгла меня призывает.

Голубков. А, теперь я понял! Ты сумасшедший! Теперь все понимаю! И лед на Чонгаре, и черные мешки, и мороз! Судьба! За что ты гнетешь меня? Как же я не сберег мою Серафиму? Вот он, вот он, ее слепой убийца! А что с него взять, если разум его помутился!

Хлудов. Вот чудак! (Бросает Голубкову револьвер.) Сделайте одолжение, стреляйте. (В пространство.) Ну, оставь меня. Может быть, этот догадается выстрелить.

Голубков. Нет, не могу я стрелять в тебя, ты мне жалок, страшен, омерзителен!

Хлудов. Да что это за комедия, в конце концов?

(Послышались вдали шаги.)

Стойте, стойте, идут! Может быть, это он? Сейчас все узнаем.

(Входит Голован.)

Расстреляна?

Голован. Никак нет.

Голубков. Жива? Жива? Где она, где?

Хлудов. Тише. (Головану.) Почему же не доставили вы ее в таком случае?

(Голован косится на Голубкова.)

Говорите при нем.

Голован. Слушаю. Сегодня в четыре часа дня генерал-майор Чарнота ворвался в помещение контрразведки, арестованную Корзухину, угрожая

вооруженной силой, отбил и увез.

Голубков. Куда? Куда?

Хлудов. Тише. (Головану.) Куда?

Голован. На пароход "Витязь". В пять "Витязь" вышел на рейд, а после пяти в открытое море.

Хлудов. Довольно. Спасибо. Итак, вот, жива. Жава эта ваша женщина Серафима.

Голубков. Да-да, жива, жива ...

Хлудов. Есаул, берите конвой, знамя, грузитесь на "Святителя", я сейчас приеду.

Голован. Осмелюсь доложить ...

Хлудов. Я в здравом уме, приеду, не бойтесь, приеду.

Голован. Слушаю. (Исчез.)

Хлудов. Ну, стало быть, она плывет туда, в Константинополь.

Голубков (слепо). Да-да-да, в Константинополь ... Я все равно от вас не отстану. Вот огни, это огни в порту, смотрите. Возьмите меня в Константинополь.

Хлудов. О, черт, черт, черт ...

Голубков. Хлудов, едем скорее!

Хлудов. Замолчи. (Бормочет.) Ну вот, одного я удовлетворил, теперь на свободе могу поговорить с тобой. (В пространство.) Чего ты хочешь? Чтобы я остался? Нет, не отвечает. Бледнеет, отходит, покрылся тьмой и стал вдали.

Голубков (тоскуя). Хлудов, ты болен! Хлудов, это бред! Оставь его! Нам надо спешить! Ведь "Святитель" уйдет, мы опоздаем!

Хлудов. Черт ... черт ... Какая-то Серафима ... В Константинополь ... Ну, едем, едем! (Быстро выходит.)

(Голубков выходит за ним. Тьма. Сон кончается.)

(Конец второго действия)